

И вот учителя говорят, что блаженные в Царстве Небесном познают творения без всяких образов твари, они их познают в одном только образе, который есть Бог и в котором Бог Сам Себя и все вещи знает, любит и хочет⁸⁹⁶. Сам Господь учит нас просить и молиться. Когда мы произносим: «Отче наш», «да святится имя Твое»⁸⁹⁷, это значит: Тебя, единого, да познаем; «да придет царствие Твое», — чтобы кроме Тебя, богатого, я ничем не владел, что я считаю и почитаю богатством. Об этом Евангелие говорит: «Блаженны нищие духом»⁸⁹⁸, — волей, иначе сказать. И просим мы Бога, чтобы Его «воля была» «на земле», то есть в нас, «как на небе», то есть в Боге Самом. Подобный человек пребывает в такой согласии с Богом, что он хочет все то, чего хочет Бог, и тем способом, каким Бог пожелает. А посему, поскольку Бог в некотором роде желает, чтобы я сотворил также грехи, то и я не желаю, чтобы они мной соделаны не были. Ибо «на земле», иначе говоря, в злодеянии, совершается Божья воля, «как и на небе», то есть в благодеянии. Так человек ради Бога желает отречься от Бога и быть ради Бога отлученным от Бога. Только это и есть правое покаяние в моих прегрешениях. Я о грехах сожалею без сожаления, как Бог о всяком зле без скорби скорбит. Скорбь, и великую скорбь прегрешения во мне вызывают, — ибо я не согрешил бы ради всего, что сотворено или может быть сотворенным, хоть вечно тысяча миров существуй, [скорбь], и все же лишнюю скорби. И я подымаю и творю покаяние в воле Божией и из воли Божией. Только такое сокрушение и есть совершенное сокрушение, ведь оно происходит и возникает из чистой любви к чистейшей благодати и радости Божией. Такова правда, и вы вняли тому, что я сказал в этой книжице, что благой человек, поскольку он благ, вступает в полное обладание самой благодатью, она же есть Сам в Себе Бог.

Теперь посмотри, сколь удивительное и блаженное житие имеет в Самом Боге человек «на земле», как «на небе!» — Скорбь ему служит к веселью, а горе — все равно что желанное. И к тому же примет в нем особую радость; ведь если у меня есть благодать и благодать, о которой я только что говорил, я всегда во всяких делах равно утешен и изрядно доволен. Если у меня нет ничего, то я ради Бога и в Божией воле от всего должен отречься. Хочет Бог дать, что я желаю, — имею я это и пребываю в блаженстве; не хочет Бог дать — и это я принимаю, отрекаясь в том самом волеии Божиим, в котором Он не желает; и так я получаю, отрекаясь и не получая. Чего же мне тогда не хватает? Воистину, когда отрекаешься, Бога полней обретаешь, чем когда получаешь. Ведь когда человек получает, дар несет в себе то, в силу чего человек радостен и утешен. А если не получает, то ничего не имеет, не находит, не знает, чему бы радоваться, кроме Бога и Божественной воли.

Но есть и другая отрада. Когда человек потеряет внешнее благо или своего друга или сродника своего, глаз, руку или что-то еще, надо быть ему уверенным в том, что, если это ради Бога с терпением перенести, перед Богом он получит по меньшей мере все то, из-за чего он не захотел бы это утратить. Вот человек лишается глаза. Если сей глаз не хотел бы он потерять за тысячу или шесть тысяч марок или же больше, то перед Богом и в Боге приобретет он именно то, за что не желал бы переносить такое горе или такое страдание. Это, может быть, и имел в виду наш Господь, когда говорил: «Лучше, чтобы ты с одним глазом вошел в вечную жизнь, нежели с двумя глазами погибнуть»⁸⁹⁹. И это же, возможно, Бог разумел, говоря: «Кто оставит отца и мать, сестру и брата, двор или пашню или другое, тот получит сторицею и [наследует] вечную жизнь»⁹⁰⁰. В Божией правде и памятуя о блаженстве своем, я без колебаний осмелюсь сказать, что тот, кто ради Бога и ради благодати оставит отца и мать, брата и сестру или еще что-нибудь, двумя путями получит сторицею: первый — тот, что его отец, мать, брат и сестра станут ему во сто крат дороже, чем они суть теперь. Другой же путь тот, что не одна только сотня, но и все люди, поскольку они люди и человеки, станут ему несравненно любезней, тогда как сейчас ему по природе милы отец, мать или